

Глава 2

Хотелось бы знать...

Народная мудрость гласит, что любопытство до добра не доведет, а вот кошке оно и вовсе вышло боком. Но опыт подсказывает мне, что скорее верно прямо противоположное.

Вскоре после нашей с Кэти женитьбы мы некоторое время жили в Нидерландах, а это, как всем известно, страна каналов. Как большой любитель бега, я каждое утро совершал пробежки. Во время одной из них я отправился в парк за несколько километров от нашей квартиры и там, пробегая через покрытое травой поле, вдруг заметил, что впереди травяной покров почему-то меняет оттенок с густо-зеленого на светло-изумрудный. Вместо того чтобы задаться вопросом «Хотелось бы знать, почему трава впереди другого цвета, чем та, что у меня под ногами?», я безрассудно устремился вперед.

И только с разбега нырнув в канал, я сообразил, что этот изумрудный ковер — никакая не трава, а самые натуральные водоросли. Впрочем, это было запоздалое открытие: когда я восстановил контакт с действительностью, то уже торчал по пояс в воде, весь облепленный мерзкой зеленой тиной, и старался оценить степень полученного телесного ущерба, исподтишка оглядываясь, не заметил ли кто моего конфуза. Затем я кое-как выбрался на земную твердь, слава богу, целый и невредимый, если не считать подмоченного самолюбия — увы, несколько свидетелей моего падения отпустили в мой адрес реплики, которые в приблизительном переводе с голландского означали: «Вот умора так умора! Ты, малый, летел прямо в канал!» В довершение всего мне

пришлось пробежать несколько километров до дома в мокрой и грязной одежде, повергая в изумление прохожих своим живописным нарядом, который делал меня похожим на незадачливое морское чудовище по имени Зигмунд из популярного в 1970-е годы телешоу для детей*.

Это приключение натолкнуло меня на еще один важнейший вопрос: «Хотелось бы знать...» (Как вариант: «Вот интересно...») Не спешите возражать мне, я и сам знаю, что, строго говоря, это не совсем вопрос. Скорее это прелюдия к целой серии вопросов. Во всяком случае, для вопросов двух категорий: «почему» и «а что если». В этой главе мы рассмотрим обе категории, объединив их в одну тему, а именно сосредоточимся на вопросах «Хотелось бы знать почему?» и «Хотелось бы знать, а что если...»

Первый позволяет нам сохранять интерес к окружающему миру, и он очень пригодился бы мне во время курьезной пробежки. Спрашивая себя «Хотелось бы знать, а что если?», мы сохраняем связь с миром, а кроме того, побуждаем себя пробовать что-то новое. Данный вопрос может дать толчок к размышлениям о том, как ты можешь улучшить этот мир или, по крайней мере, свой уголок в нем. Хотя у этих двух вопросов, очевидно, разный смысл, они находятся в родстве между собой. Например, как можно задать вопрос «Хотелось бы знать почему?» без того, чтобы потом

* Детское телешоу *Sigmund and Sea Monsters* («Зигмунд и морские чудовища») транслировалось на канале NBC утром по субботам на протяжении 1973–1975 годов, а потом на кабельных каналах.

не вырुлить на вопрос «Хотелось бы знать, а что если?»? Заинтригованы? Оставайтесь с нами.

Однажды Альберт Эйнштейн в своей классической манере сказал: «Сам по себе я не наделен особыми талантами, разве что ненасытной любознательностью». Несомненно, что первая часть этого заявления не соответствует действительности, зато вторая — правда. Окружающий мир, как видимый, так и невидимый, вызывал у Эйнштейна бесконечное любопытство. «Очень важно, — подчеркивал он, — не переставать задавать вопросы. Не потерять священный дар любопытства».

Любознательность начинается с вопроса «Хотелось бы знать почему?». Когда дети делают первые шаги в познании мира, это первейший вопрос из всех, что их занимают. Для детей вопрос «почему» — главный инструмент познания, и ему отводится невероятно много места в их повседневных разговорах. Как я замечаю, у большинства людей с годами любознательность по каким-то причинам угасает. Возможно, в детстве родители или учителя, уставшие от бесконечных «почему», не очень поощряли их проявлять любопытство. Повседневная жизнь с ее бесконечными заботами тоже способна отодвинуть любознательность на второй план, поскольку иной раз взрослому человеку, чтобы просто прожить день, требуются неимоверные усилия. Как бы то ни было, это редкое исключение, когда взрослым удается сохранить врожденное любопытство и такой же живой интерес к миру, какой они испытывали в детстве.

Вы на долгие годы сохраните любознательность, если возьмете себе за правило задавать вопрос «Хотелось бы знать почему?». Даже если люди вокруг вас устают от этого вашего постоянного вопроса или им трудно отвечать на него, вы обязаны продолжать задавать его себе. Это ни в коем случае не означает забросить все дела и днями напролет витать в облаках. Все, к чему я призываю вас, это регулярно давать себе небольшую передышку, чтобы оглядеться вокруг — посмотреть на людей, которые окружают вас, или на обстановку, в которой находитесь, не забывая задаваться вопросом: «Хотелось бы знать почему?»

Один этот вопрос, словно золотой ключик, откроет перед вами множество дверей и разгадки огромного количества тайн, больших и маленьких. Этот вопрос дает начало открытиям и ведет к поразительным прозрениям. Его без устали задавали все известные ученые и мыслители, от Марии Кюри до Стивена Хокинга. Этим же вопросом столетия напролет задаются художники и писатели. В глазах ученых и художников, не говоря уже о выдающихся педагогах и предпринимателях, наш мир полон загадок, только и ожидающих, чтобы кто-нибудь разгадал их.

Вовсе не обязательно быть ученым или художником первой величины, чтобы во всей полноте осознать всю загадочность окружающего мира и разгадывать его тайны. Все, что вам нужно, — оглядываться вокруг и задавать вопросы. Слишком часто мир представляется нам чем-то статичным, и мы не можем осознать, что окружающее нас

сегодня — это продукт прошлого, иными словами, результат действия сил, которые канули в Лету, нам не дано видеть их. Все, что нас окружает, несет в себе послания и подсказки из прошлых времен, только и ожидающие, чтобы мы обнаружили и истолковали их.

Взять хотя бы такую простую и привычную для американцев штуку, как сложенные из бульжника стены-изгороди, разгораживающие поля. В Массачусетсе, там, где живу я с семьей, часть этих изгородей служит границами соседних участков, другие углубляются далеко в лес, что начинается за нашим домом. Эти немые знаки прошлого давно стали привычной частью окружающего пейзажа, и на них просто не обращаешь внимания. Сам я никогда не задумывался об их происхождении, пока моя дочь Фиби, когда ей было восемь лет, не спросила, откуда в наших краях столько каменных изгородей.

«Понятия не имею!» — вот первое, что я ответил, однако потом решил провести небольшое краеведческое исследование. И обнаружил, что история этих каменных сооружений гораздо богаче и интереснее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Начать с того, что гранитные и известняковые валуны, из которых сложены изгороди, многие тысячи лет назад были оставлены в наших краях отступающими ледниками. (Согласен, эта страница истории здешних мест скучновата, но дальше будет интереснее.) Во времена колонизации и последующих революционных перемен фермеры, когда расчищали земли под поля, выкорчевывали многочисленные валуны и бульжники и поначалу просто сваливали

их в кучи. А позже нашли им применение — научились выкладывать из этих покатых валунов и булыжников крепкие изгороди, чтобы застолбить границы своих земельных владений. Шло время, здесь бурно развивалась промышленность, а потому все больше фермерских семейств отходили от сельского труда и перебирались на местные заводы и фабрики. Каменные изгороди утратили прежнее значение, и о них позабыли. Зброшенные, они тихо доживали свой век, и часть их за времена промышленной революции совершенно скрылась под зарослями травы и кустарников. Лишь намного позже, уже в середине XX века, о наших старых каменных изгородях снова вспомнили, поскольку это осязаемые свидетельства истории становления страны, и прежде населявшие эти места поколения фермеров в заботе о процветании своей земли вложили в их сооружение много смекалки, труда, старания и упорства.

И чтобы по-настоящему разглядеть эти изгороди, а не просто скользнуть по ним взглядом, не замечая, как мы привыкли, понадобился вопрос, какой из детского любопытства задала мне Фиби: «Хотелось бы знать, почему в наших краях столько старых каменных изгородей?» Это неизбежно приведет нас к целой веренице вопросов. Интересно, сколько им лет, этим изгородям? Интересно, для чего и как их сложили? Интересно, почему одни изгороди пролегают через лес, а другие расходятся в стороны, огибая его по кромке? Интересно, почему некоторые изгороди сохранили первозданный вид, а другие почти разрушились

и заросли? Стоит только задаться такими вопросами и начать искать ответы на них, как нечто, что прежде казалось обыденным и неприметным, вдруг предстает перед тобой таинственным и раскрывает свое очарование.

Мои собственные изыскания в конечном счете привели меня к личности Генри Дэвида Торо*, которого восхищали каменные изгороди в окрестностях его хижины на берегу Уолденского пруда в Конкорде. В своих дневниковых записях за 1850 год Генри Торо отмечает: «Мы никак не готовы поверить, что наши предки умели поднимать на большую высоту огромные камни или складывать такие толстые стены. Как это может быть, что свидетельства труда так зримы и долговечны, а его творцы, бранные, как все земное, давно покинули этот мир? Когда я замечаю в кладке старинной изгороди камень, для перемещения которого, должно быть, понадобилось множество воловьих упряжек, <...> я стораю от любопытства, потому что это предполагает энергию и силу, о каких нам невозможно и помыслить».

Вот и получилось, что простенький вопрос о каменных изгородях, местами почти вросших в землю, обернулся для нас с Фиби уроком краеведения и подвел к серии экзистенциальных вопросов, над которыми размышлял еще Генри Торо. Все это помогло нам с дочерью глубже осознать связь с миром, который непосредственно окружает нас. А ведь

* Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, аболиционист, предшественник зеленого анархизма.

начиналось все с ее незатейливого вопроса: «Хотелось бы знать почему?»»

Каменные изгороди в полях — это всего лишь пример, однако куда бы вы ни бросили взгляд — если вы действительно дадите себе время взглядеться, — везде вас поджидают интересные истории и открытия. Улицы, здания, звезды на небе, деревья, поезда, корабли, животные — у них есть прошлое, а значит, они могут поведать очень много интересного. Но в особенности это относится к людям в вашем окружении, будь то однокурсник, сидящий рядом с вами в лекционной аудитории, или кто-то занимающий соседний стол в библиотеке. У каждого есть история, единственная в своем роде. Чтобы слушать эти истории и постигать окружающий мир, начиная с бытующих в вашем окружении взглядов и ценностей и заканчивая личными историями и жизненным опытом людей, его составляющих, вам всего-то и надо подмечать, что делается вокруг, и задаваться вопросом «Хотелось бы знать почему?»».

Открывая для себя истории людей, что окружают вас, вы непременно обогатите свою жизнь. И, вполне вероятно, даже продлите ее. Оказывается, живое любопытство очень способствует здоровью и счастью, свидетельства чему приводят многие ученые-социологи. Люди любопытные, что неудивительно, больше других тянутся к новым знаниям и прочнее усваивают их. Люди любознательные способны внушать больше симпатий окружающим, поскольку те, кто нам интересен, наделены в наших глазах большей

привлекательностью. Кроме того, любознательность обычно ведет к сопереживанию (эмпатии), а это человеческое качество у нас сегодня в большом дефиците. Люди любознательные в большинстве случаев могут похвастаться более крепким здоровьем, и, в частности, они меньше подвержены тревожности, поскольку всякую новую для себя ситуацию воспринимают скорее как возможность что-то узнать, чем как повод убедиться, что знают недостаточно много. И еще: согласно ряду исследований, любознательные могут прожить дольше, чем другие, потому что питают живой интерес к окружающему миру и больше вовлечены в происходящее в нем.

Точно так же, как вопрос «Хотелось бы знать почему?» помогает нам сохранить любознательность, вопрос «Хотелось бы знать, а что если...» помогает нам участвовать в происходящем вокруг. Каждое приключение, в которое я пускался, и почти все то новое, что я испробовал в жизни, неизменно начиналось с этого вопроса. Я спрашивал себя: «Вот интересно, а что если я сделаю...» Правда, ответы на этот вопрос бывают очень разными.

Меня интересовало, смогу ли я попасть в нашу университетскую сборную по гребле (нет, для этого я не вышел ростом, о чем вы, должно быть, уже и сами догадались); меня интересовало, возьмут ли меня в наш хор а капелла (нет, для этого нужно иметь вокальные данные — не мой случай); меня интересовало, смогу ли я в качестве утешения хотя бы играть в регби (о да, поскольку на рост и вокальные

данные тут особо не смотрят); меня интересовало, способен ли я протянуть полгода после окончания университета в Австралии, зарабатывая себе на жизнь сбором мусора (пожалуй, нет, наткнувшись в мусорном баке на дохлую кошку, я сдался); меня интересовало, способен ли я на банджи-джампинг, то есть прыгнуть вниз с моста обвязанный резиновым тросом (да, но больше никогда и ни за что); меня интересовало, смогу ли я в своем взрослом возрасте освоить хоккей (не слишком-то хорошо, если верить моим детям и товарищам по команде); меня интересовало, способен ли я научиться жонглировать (да, потому что не так уж это и трудно); лет пять назад меня интересовало, есть ли у меня способности к серфингу (средненькие, как сказали мои дети), и еще меня интересовало, могу ли я научиться играть на пианино (нет, разве что за фортепианную игру засчитывается песенка «У Мэри был ягненок», но если спросить Кэти, то нет, не засчитывается). Как следует из вышеизложенного, не во всех новых начинаниях можно преуспеть, и именно такого исхода вам следует ожидать. Но если будете непрестанно задаваться вопросом «Интересно, а способен ли я?», то наверняка обнаружатся занятия, которые будут доставлять вам изрядное удовольствие.

Притом что сам по себе вопрос «Хотелось бы знать, а что если...» заслуживает того, чтобы задавать его, он еще напрямую связан с вопросом «Хотелось бы знать почему?». Как только вы начинаете спрашивать «Хотелось бы знать почему?», а особенно когда не получаете удовлетворительного

ответа, это неизбежно заставляет вас задать вопрос «Интересно, а что если бы все было иначе?». Иными словами, вопрос «Интересно почему?» о чем-либо, относящемся к настоящему, естественным образом вызывает к жизни вопрос «Интересно, а что если...» о чем-либо, касающемся будущего.

Эти взаимосвязанные вопросы, незаменимое подспорье в профессиональной жизни, точно так же пригодятся вам и в личной. Я убедился в этом на собственном примере, а особенно после одного события, которое в той же мере поучительно, в какой и подтверждает, как это важно — задавать вопрос «Хотелось бы знать...»

Со своей биологической матерью я впервые встретился на придорожной стоянке у автотрассы Гарден-Стейт-Паркуэй в Нью-Джерси. Мне было тогда 46 лет. Что я приемный ребенок, я знал с первых дней сознательной жизни. Вспомнить, когда я узнал, что меня усыновили, для меня такая же непосильная задача, как вспомнить, когда я узнал, что мое имя Джим, или Джимбо, как меня называли в детстве. Не припомню, чтобы когда-нибудь обижался на родившую меня женщину или на то, что она отказалась от меня. Наверное, одна из причин в том, что мои родители всегда давали мне понять, что я особенный.

Факт усыновления несколько не омрачал моего детства, и я рос счастливым. Мои родители были не идеальными, но очень близки к тому, по крайней мере, так я всегда считал. Денег у нас было не так уж много, но у меня всегда было то, что, по моим представлениям, нужно ребенку для

безоблачного детства: велосипед, бейсбольная перчатка-ловушка, бутсы, кроссовки, друзья, жившие поблизости, ежегодная неделя отдыха на море, оба родителя, для которых наша семья была средоточием всей жизни, и еще сестра, стойчески сносившая мои бесконечные проделки.

Из-за всего этого, вероятно, меня никогда не интересовало, кто были мои биологические родители. Я попал в нашу семью через Католическое агентство по усыновлению, и весь процесс был окружен завесой глубокой тайны. То немногое, что я знал об этом, я почерпнул из истории, которую иногда бралась рассказывать мне мама: однажды им с папой позвонили из агентства и сообщили, что для них «подоспел» младенец, и им надо в течение двух дней прибыть в больницу города Элизабет в нашем штате Нью-Джерси. Когда монахиня внесла меня в комнату, где они ожидали, на мне была вязаная вручную кофточка, а на шее болтался образок святого Христофора, покровителя странствующих. Мама спросила, откуда у меня эта одежда и образок, и монахиня, прослезившись — как всегда всхлипывала в этом месте своего рассказа мама, — промолвила: «Этого я не могу сказать вам. Просто знайте, что он получил их от кого-то, кто его очень любит».

Можно было бы ожидать, что эта трогательная история возбудит мое любопытство, но ничуть не бывало. Скорее она навевала мне смутное чувство благодарности. Мне казалось, что, это, наверное, был очень нелегкий шаг — отдать своего ребенка на усыновление, и я испытывал

признательность к неведомой женщине за такую ее жертву. Вместе с тем у меня не возникало особого желания побольше узнать о своих биологических родителях, судьба и так уже дала мне то, что принято называть полной семьей.

Кроме того, я пребывал в уверенности, что знаю историю своего рождения. Я воображал, что мои биологические родители зачали меня еще подростками, возможно, то была пара молодых людей, которые нашли друг дружку еще на школьной скамье, но решили, что еще слишком юны, чтобы взваливать на себя ответственность за воспитание ребенка. И потому мое воображение рисовало мне, что биологическая мать доносила меня весь положенный природой срок и, родив, отдала на усыновление, а сама пошла дальше по дороге своей жизни. Так выглядит классическая история усыновления, и я просто решил, что моя собственная история подпадает под этот стереотип. Так что я никогда сколько-нибудь всерьез не задавался вопросом: «Хотелось бы знать, почему меня усыновили?», как никогда не спрашивал себя: «Интересно, а что если я когда-нибудь найду своих биологических родителей?» При этом мои приемные родители всегда обещали помочь мне всем, чем смогут, если я всерьез пожелаю собрать информацию о своей биологической семье*.

* Чтобы исключить малейшее недопонимание, я должен уточнить, что когда упоминаю своих родителей, моего отца или мать без какого бы то ни было уточнения, речь идет о приемных родителях. Уточнение «приемные» я употребляю, только когда из предложения или фрагмента текста не совсем ясно, каких родителей я имею в виду. *Прим. автора.*

Теперь давайте перемотаем мою жизнь вперед, в 2012 год. На тот момент мои родители уже покинули этот мир, и оба, увы, ушли из жизни слишком рано. У нас с Кэти уже была собственная семья. С рождением каждого из наших четверых детей мой интерес к моим биологическим родителям пускай по чуть-чуть, но возрастал: дело в том, что ни один из наших малышей не имел отчетливого сходства со мной или Кэти. Оставалось только гадать, не были ли наши отпрыски копиями кого-то из своих неизвестных нам кровных родственников. Но в суматохе дней эти мысли посещали меня лишь мимолетно.

Потом в какой-то день, это было несколько лет назад, я отправился на пробежку с другом. Он родился в Корее, но когда ему было семь лет, отец ушел из семьи, оставив его с матерью и братишкой. И вот теперь он занимался поисками отца, поэтому, наверное, и предложил мне последовать его примеру и попытаться отыскать своих биологических родителей. Я объяснил, почему меня мало занимает эта тема, но он проявил неожиданную настойчивость в уговорах. Исключительно из нежелания спорить я пообещал, что попытаюсь.

Вернувшись с пробежки, я зашел в интернет и за какой-то час выяснил, что агентства по усыновлению, действующие в Нью-Джерси, готовы предоставить «не раскрывающую анонимность информацию об усыновлении», а это означало, что они сообщат вам все сведения, какими располагают, за исключением фамилий людей, отдавших своих

детей на усыновление. Затем я нашел отделение, которое занималось поиском приемной семьи для меня, и отправил им по электронной почте письмо с просьбой подтвердить, что их политика не изменилась и что у них сохранились данные на меня. «Так и есть, ваши данные у нас сохранились», — был ответ. *Кто же знал, что это будет до такой степени просто, думал я*, отправляя им чек на оплату сведений, которые они обещали мне прислать.

Через два месяца я получил письмо на трех страницах, где достаточно подробно описывались история моей настоящей семьи и обстоятельства моего усыновления, отобранные из всей информации, что содержалась в моем «деле». История не имела ничего общего с тем, чего я ожидал. В письме приводились имена обоих моих биологических родителей, биографии их родителей и братьев-сестер, а также подробное описание обстоятельств моего усыновления. Признаться, все это больше смахивало на краткий пересказ какого-нибудь романа об ирландских иммигрантах, переметавшихся в нашу страну в конце XIX века.

Моя родная мать, назову ее Джеральдиной, родилась и выросла в Ирландии. Уже взрослой она вслед за своим братом отправилась за лучшей жизнью в Соединенные Штаты и там нашла работу в одном из состоятельных семейств Нью-Йорка. Затем она встретила и полюбила своего соотечественника, служившего барменом («Это многое объясняет!» — не раз еще впоследствии заметит мне Кэти). Когда же Джеральдина сообщила своему возлюбленному и моему

биологическому отцу, что ждет ребенка, тот признался, что уже женат и у него трое детей. Затем он объяснил ей, что, поскольку принадлежит к католической церкви, ему запрещено разводиться. (Как видно, в вопросе адюльтера его религиозное чувство проявляло больше терпимости. Это я так, к слову.) Тогда Джеральдина окончательно и бесповоротно порвала с возлюбленным и, переправившись через реку в Нью-Джерси, нашла себе кров в приюте для одиноких будущих матерей, расположенном в том самом городе Элизабет.

Свои дни в приюте Джеральдина проводила за рукоделием (вот откуда та кофточка!) и разговорами с сестрами-монахинями, она просила научить ее, как ей быть и что делать, чтобы обеспечить себе и будущему ребенку жилье и пропитание. «Она заливалась слезами всякий раз, когда разговор заходил о передаче младенца на усыновление», — говорилось в письме. Но в конце концов Джеральдина решила, что в одиночку у нее нет шансов, к тому же, считала она, у ребенка обязательно должен быть отец. Она пробыла со мной в больнице первые девять дней моей жизни, ровно до того момента, когда меня передали на усыновление. В последней строке письма говорилось, что «она покинула больницу с разбитым сердцем».

Я был потрясен. Письмо дало мне ответы на вопросы, которые я никогда не удосуживался задать: например, было ли у меня имя в те первые девять дней жизни? (Как оказалось, да, было: меня назвали при рождении Майклом Джозефом,

в честь деда по материнской линии.) Я показал письмо Кэти, и она плакала, пока читала его. Потом она взглянула на меня и сказала: «Тебе надо найти Джеральдину. Тебе надо рассказать ей, что для тебя все обернулось хорошо».

Еще через два дня мне позвонила женщина из агентства по усыновлению — давайте назовем ее Барб. Это она составила письмо, основываясь на записях в моей папке. «Джим, — произнесла она с абсолютно узнаваемым джерсейским акцентом. — Вот уже четверть века, как я занимаюсь своим делом, и должна сказать тебе, что еще не встречала истории, подобной твоей. Она тронула мое сердце, Джим. Ты слышишь, что я говорю тебе? Твоя история по-настоящему тронула меня». Дальше она сказала, что не решается советовать мне попытаться разыскать Джеральдину, поскольку это стоит немалых денег. «Но, Джим, — добавила она. — Готова поклясться, что она все время блуждает где-нибудь рядом с тобой, ей-богу!»

Так я натолкнулся на еще одну мысль, которая, стесняюсь признаться, никогда по-настоящему не приходила мне в голову: что моя родная мать могла находиться где-то неподалеку от меня.

Я послал в агентство еще один чек и принялся ждать. В разговоре с Барб мы предположили, что Джеральдина могла вернуться домой, в Ирландию. И оба допускали, что, возможно, ее уже нет на свете. Шли месяцы, а вестей из агентства не было. За это время мне неожиданно-негаданно предложили подумать о месте декана в Гарвардской высшей

педагогической школе. Эта новость подарила мне много пищи для приятных размышлений, которые занимали меня целиком. Но в один из июньских вторников 2013 года в пять часов дня мне позвонила президент Гарвардского университета Дрю Фауст и предложила место.

Теперь моя голова и вовсе пошла кругом, поскольку я прикидывал и так, и этак, как вырвать семейство из родной почвы в штате Виргиния и перетащить в Массачусетс. Голова моя разрывалась от мыслей, когда на следующее утро телефон снова зазвонил. Это оказалась добросердечная Барб. «Джим, — прокричала она в трубку, — Джим, ты сидишь?» «Нет», — не покривил я душой.

«Тогда сядь и слушай, — сказала она. — Мы нашли ее». Оттого что со вчерашнего вечера все мои мысли занимал только звонок президента Фауст, мне вдруг на какую-то долю секунды показалось, что сейчас Барб скажет: «Джим, твоя мать — Дрю Фауст». Но Барб заговорила совсем о другом. Она принялась рассказывать, как им удалось отыскать Джеральдину и как та отреагировала на новость о найденном сыне. Когда Барб связалась с ней и сообщила, что ее разыскивает «родственник», Джеральдина с мужем сейчас же помчались в отделение агентства по усыновлению в Элизабет. По словам Барб, Джеральдина разрыдалась, узнав, что я нашелся, и все твердила, что с самого момента моего рождения не проходило и дня, чтобы она не молилась обо мне. «И знаешь, Джим, о чем она молилась? — продолжала Барб. — О том, чтобы вы с ней встретились на небесах».

Итак, значит, Джеральдина все же не вернулась в Ирландию. Она повстречала замечательного человека, давайте назовем его Джо, они поженились и родили четверых ребятшек, затем обосновались в Нью-Джерси. Мало того, Джеральдина и ее семья жили в каких-то 15 минутах ходьбы от дома, где я рос! Ее дети ходили в ту же католическую школу, что и мои друзья. Думаю даже, что в какой-нибудь из дней моего детства наши с Джеральдиной пути могли пересечься.

Через несколько дней я впервые в жизни поговорил с Джеральдиной по телефону. Позвонив ей домой, я сначала попросил к телефону Джо и, не дав ему сказать и слова, скороговоркой выпалил: «Я не сумасшедший. Я не прошу денег. Я не невротик и не нуждаюсь в утешении. По крайней мере, чаще нет, чем да. Я просто хочу поблагодарить Джеральдину и уверить ее, что моя жизнь сложилась хорошо и я счастлив». По голосу Джо на том конце провода я понял, что он улыбается: «Ох, Джим, она ждала этого долгие годы. И из всех, кого я встречал, она самая удивительная женщина на свете». И вот, наконец, я слышу в трубке голос самой Джеральдины. Наш разговор вышел каким-то сюрреалистическим, но в то же время совершенно естественным. У нее все еще сохранялся узнаваемый ирландский акцент. Она спросила меня про Кэти и наших детей. Потом принялась робко расспрашивать меня о моей жизни. Мы решили, что нам надо еще о многом поговорить и договорились перезваниваться, а в обозримом будущем и встретиться.

Для удобства мы выбрали местом встречи придорожную стоянку на Гарден-Стейт Паркуэй: это, пожалуй, самое первое место, какое придет в голову жителю Нью-Джерси, когда надо где-то встретиться. В то утро мы всем семейством навсегда покинули свой дом в Виргинии, пока что единственный домашний очаг в жизни моих детей, и отправились в наш новый дом в Массачусетсе. Переезд, огромное событие, поглощал все внимание и все мысли наших ребят. История с Джеральдиной не слишком взволновала их, отчасти из-за того, что переезд в их глазах затмевал все прочие события, а еще потому, что обожали свою бабушку — мою маму, которой не стало всего несколько лет назад. И все же, увидев Джеральдину, они буквально приросли к месту и только в ошеломлении переводили глаза с меня на нее.

Ростом Джеральдина была едва ли выше полутора метров, очень живая и подвижная, и похожи мы с ней как две капли воды: надень я парик, нас было бы не различить. Наше сходство несомненно и почти невероятно. Мои дети мгновенно почуяли, что участвуют в знаменательном событии, которое разворачивается у них на глазах: они легко узнавали свои черты, проглядывающие в облике в остальном совершенно незнакомой им женщины, что сидела здесь, в ресторанном дворике площадки для отдыха, на скамейке возле дверей Dunkin' Donuts. Мы провели вместе два часа, разговаривая и рассматривая фотографии, и все это время мы с ней держались за руки. При расставании Джеральдина вручила каждому из моих отпрысков по конвертику,

на котором было написано его имя. В каждом лежало по купюре в 20 долларов — на мороженое, сказала Джеральдина, вот придет лето, и дети смогут вволю полакомиться.

А потом я, наконец, встретился со своими сводными братьями и сестрами, причем один из них вполне мог бы сойти за моего близнеца. С самой Джеральдиной мы перезванивались каждые две недели. Наши отношения с ней сложились как-то на удивление легко и естественно, без малейшего налета неловкости. Джеральдина не постеснялась как-то раз упрекнуть меня, что я мог бы звонить ей и почаще. Она очаровательна и просто не может не нравиться. Она улыбочива и всегда готова рассмеяться, характер у нее мягкий и покладистый, а в манере общения безошибочно распознаются искренняя забота и внимание. Она держится как человек тебе близкий и родной и притом совершенно чужда ревности и собственнических чувств.

Если бы я так и не сподобился задаться вопросом «Хотелось бы знать, почему меня отдали на усыновление?», а потом не спросил бы себя: «Интересно, а что если найти мою биологическую мать?», я никогда бы не встретился с Джеральдиной и ее семьей. Сказать, что моя жизнь стала богаче оттого, что я задал себе эти вопросы, означает не сказать ничего. А моя прежняя уверенность, будто мне известна история Джеральдины, теперь выглядит и вовсе смешной. Вся глубина моих заблуждений открылась мне в тот день, когда Джеральдина познакомила меня со своими остальными детьми, причем у всех нас небольшая разница в возрасте. Мы

пришли в дом ее дочери, и Джеральдина не выпускала моей руки, пока представляла меня моим четырем сводным братьям и сестрам. А потом повернулась ко мне и без спроса или малейшей робости, словно так и надо, заботливо поправила воротничок. Тут я окончательно понял, что, хотя ей не суждено стать мне матерью в том смысле, что никто и никогда не заменит мне мою приемную маму, для Джеральдины я всегда был и навсегда останусь ее сыном.

Конечно, эта история не совсем про то, как изменить мир, но она, безусловно и несомненно, изменила *мой* мир, самым восхитительным образом обогатив его. Что подводит нас к заключительному доводу в пользу привычки задавать вопросы «Хотелось бы знать почему?» и «Интересно, а что если ...». Так вот, эти вопросы полезно обращать не только к окружающему миру, но и к самим себе. Не подумайте, будто я желаю всучить вам методику самоусовершенствования или рекомендую посвятить себя созерцанию собственного пупа. Но я считаю очень полезной и здоровой привычку проявлять любознательность в отношении самих себя. Интересно ли вам, почему у вас сложились те или иные привычки? Почему вам больше всего нравятся именно эта еда, эти места, события или люди? А что если существуют и другие вещи, которые доставят вам не меньше удовольствия, если вы дадите себе шанс познакомиться с ними? Почему новые впечатления и опыт так пугают вас? Почему на собраниях вы сидите, словно набрав в рот воды, и почему так робеете на вечеринках, предпочитая подпираться стенку?

Почему вас так легко смутить? И почему в общении с кем-то из родственников вы так легко выходите из себя? А что если вам попробовать изменить в себе те черты, которые вы действительно были бы рады изменить? Или что если вы вместо того чтобы осуждать себя за эти качества, попытаетесь принять некоторые из них как особенности вашей неповторимой личности?

Подводя итог, подчеркну, что «Хотелось бы знать, почему?» — это жизненно важный вопрос, потому что он представляет собой квинтэссенцию любознательности, и взять его на вооружение означает сохранить в себе интерес к окружающему миру и к собственному месту в нем. Задаваться вопросом «Интересно, а что если...» в той же мере важно, поскольку это побуждает живо участвовать в жизни большого мира и задумываться, как улучшить свой маленький. Если не дадите себе обещание задаваться этими вопросами, вы рискуете упустить много радостей и возможностей, о которых пока даже не подозреваете и которые, как в нашей с Джеральдиной истории, иногда куда ближе к вам, чем вам кажется, — стоит только протянуть руку.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

